

Вотсытствувает
любовь
L

Глава, выпавшая Марии Бочкаревой, не пережила ее. После смерти не осталось ничего. Лишь презрительные слова Маяковского: «Дуры бочкаревские» — о женщинах, в ночь октябрьского переворота защищавших Зимний дворец.

А дальше — тишина... Что случилось с Бочкаревой, «русской Жанной д'Арк»? Ответа на этот вопрос долгие десятилетия не было. Как не было вообще никаких официальных сведений, проливавших свет на биографию столь незаурядной личности. Людская молва старалась за себя и за того парня в кожанке, который все знал и молчал. Чего только не говорили: и что Бочкарева беседовала с Лениным, и что эмигрировала в Америку, и что она вдова боевого полковника и ушла на фронт мстить за мужа.

Почему же молчал парень в кожанке? Все очень просто. Бочкарева дважды оказалась виноватой перед советской властью. Во-первых, она золотопогонница, белый офицер. А во-вторых, и это хуже всего, Бочкарева, выросшая в нищете, нянька, прачка, дорожная рабочая — стало быть, «пролетарский представитель», — никак не вписывалась в рамку, сколоченную большевистской идеологией для портрета «женщины из народа». Ей бы на маевки ходить, как горьковской Ниловне, в корзине под яйцами «Искру» таскать, а она туда же — «господин поручик». Словом, по всем статьям Мария Бочкарева была абсолютной антигероиней. И за это должна была в конце концов заплатить.

...Родиной Маруси Фролковой — так звали нашу героиню в юности — было село Никольское в Новгородской губернии. Родилась она в 1889 году. Как мог в избе, где прочно поселилась голодуха-холодуха, вырасти крепкий, смышленный ребенок — непонятно. Но как бы там ни было, в восемь лет Маруся устроилась в прислуги, а потом пошла служить в лавку. Разбитная, ловкая, сноровистая, она тащила каждую копейчку в дом, однако у ее родителей жизнь совсем не задалась. Даже когда семья в поисках лучшей доли перебралась в Сибирь, наслушавшись рассказов, что там золото под ногами лежит и каждая палка, воткнутая в землю, плоды дает, карманы крестьян Фролковых как были пустыми на родимой Новгородчине, так и остались.

В шестнадцать лет девица Мария Леонтьевна Фролкова пошла под венец с Афанасием Бочкаревым, единственной страстью которого была сивуха. По какой-то неизбежной российской традиции, молодая женщина взвалила на свои плечи кроме нищих родителей еще и пьющего, никаких надежд не подающего супруга.

Однако Маруся не сдавалась и была полна решимости наладить свое семейное счастье. Она взялась за тяжелую, но хорошо оплачиваемую работу — стала укладчицей мостовой. Очень скоро за добросовестность и способность управляться с забубенными горластыми мужиками-поденщиками ее сделали помощницей десятника. Итогом ее стараний принести хоть какой-то достаток в дом стало то, что Бочкарев разгулялся вовсю и стал пить запоем. А она надорвалась, свалилась надолго. Когда же оклемалась, то узнала, что место ее занято. Вконец опустившийся муж налетал с кулаками, требуя денег. И Маруся решила поставить крест на своей разнесчастной любви.

Однако уход от мужа вовсе не означал, что с поисками бабьего счастья покончено. Напротив, Мария готова была по-прежнему платить самую большую цену за мужскую любовь. И тут-то она заметила Якова Бука, кудрявого, носатого, с красивыми глазами и в жилетке. Он держал мясную лавку, и Маруся, конечно, крутилась с утра до вечера, чтобы угодить лю-

бовнику. Каково же было ее горе, когда к ним нагрянул околоточный с двумя солдатами и арестовал Бука. Оказалось, что тот, числившийся крестьянином Читинского уезда, уже давно занимался разбоем, а мясную лавку держал для отвода глаз.

Оправившись после первого потрясения, невенчанная жена добилась свидания с Буком в иркутской тюрьме. Приговор суда — высылка Якова Бука по этапу в Якутск — не только не огорчил Марию, но и дал ей возможность доказать свою любовь. Решено: она пойдет вместе с ним, не отставая ни на шаг, в эту стлую ледяную мглу, будет опорой, подмогой, матерью, нянькой, советчицей, любовницей, докажет, наконец, как огромна и бескорытна ее преданность. Все так и случилось: в мае 1913 года Бочкарева с партией ссыльных отправилась в Якутию...

Но там жизнь с Буком оказалась совсем не похожей на ту идиллию, которую представляла себе Мария, шагая по еще не просохшим дорогам. Озлобленный сожитель вымещал на Марии досаду за поломавшуюся разбойничью карьеру. Они ругались, иногда дрались. Безобразные потасовки, как правило, заканчивались жаркими объятиями: Мария, при всей своей вспыльчивости, была на редкость незлопамятна. За ласковое слово она могла отдать абсолютно все, если бы ей было что отдавать. А Буку нужны были деньги. Проявляя невероятную смекалку, он и в Якутии, под надзором, занимался разбоем.

В рапорте начальника полиции было сказано: «Сожительница Бука Бочкарева, в одну из минут откровенности, вызванной временным раздором с ним, открыла целый ряд преступлений, совершенных Буком в Забайкалье, здесь фигурируют крупные и мелкие кражи, сбыт и прием краденого и даже разбойное нападение, при активном его участии, на почту».

Трудно сказать, что заставило Марию сделать такое признание: то ли она хотела отомстить Буку за побои и унижения, то ли, предвидя плачевный финал подобных занятий «полюбовника», хотела спасти его от еще более строгого наказания.

Бука все же посадили в тюрьму, и Мария стала хлопотать о его освобождении. Она добилась свидания с якутским губернатором Крафтом. Тот пообещал помочь, но при одном условии: Мария должна отдаться ему. Была ночь в хрустящей свежим

бельем постели. Неведомый запах дорогого одеколона. Кучка ее жалкой одежды в кресле.

Мария вернулась в свою выстуженную хибару и приняла яд.

Для чего-то она осталась жить. Крафт сдержал слово, выпустил Бука из тюрьмы, но требовал у Бочкаревой новых встреч. И тут бесхитростная женщина, измученная неотступными домогательствами, во всем призналась любовнику. Роковая женская ошибка — надежда на то, что твоя жертва будет оценена, — чуть не стоила Бочкаревой жизни. Избив Марию до полусмерти, Яков предупредил ее, что она все равно не жилища на этом свете и в любую минуту дарованная им отсрочка может закончиться. Не то чтобы это ее напугало — она не держалась за жизнь. Однако тайная мысль, что Яков опомнится и пожалеет о ней как раз тогда, когда выполнит свою угрозу, заставляла ее быть на чеку. Мария шарила под тюфяком и по карманам любовника, когда он ложился спать, — нет ли там ножа.

Яков же имел неосторожность угрожать и Крафту. Тогда губернатор счел за лучшее отослать его подальше. В лачугу беспоконной пары пришли жандармы, дали Якову полчаса на сборы. Бочкарева повалилась им в ноги, хваталась за полы шинелей, уговаривая не разлучать ее с Яковым. Сидя на телеге около угрюмо молчавшего Бука, Мария чувствовала себя счастливой.

Место, куда их привезли, было действительно концом света. Дыхание Северного Ледовитого океана превратило землю в выстуженную пустыню, где несколько эскимосских чумов с теплящимся огнем внутри казались вызовом самому Богу.

Но и здесь, в поселении Амга, Мария не теряла присутствия духа. Она вела их маленькое хозяйство. Подружилась с соседями-эскимосами и брала у них рыбу, чтобы подкормить Бука. Короткой летней порой собирала по окрестностям травы и коренья, делала отвар и поила его — тот начал кашлять глухо и надрывно.

Но чем больше старалась Мария, тем в большую хандру погружался Бук. Бессильная злоба переполняла его, и мрачные глаза, блуждая по их нищему жилищу, в конце концов останавливались на Марии.

— Мор-рр-да! Все ты, подлая... С Крафтом паскуди-

лась — ишь! Как он польстился на тебя, мор-р-ду такую? А? Как это у вас там было? Что молчишь, сучка?

— Отстань, Яш. Доколе же ты казнить меня будешь? Сам, чай, не святой...

— Ах ты морда поганая! Как же ты смеешь, тварь, со мной сравниваться!

И он бил ее. Старался почему-то ударить по лицу. Наверное, заметил, что Мария особенно стеснялась вздувшихся губ и подбитого глаза, когда он, успокоившись, менял гнев на милость и, показывая на нее пальцем, с веселым изумлением говорил: «Ну и мор-р-да!» Проходила неделя, другая, все повторялось снова. Избитую Марию Бук выгонял за дверь, и она отлеживалась в каком-нибудь чуме.

Постепенно сердце ее заледенело, и нежные чувства к возлюбленному угасли. Мария стала размышлять о жизни трезво, не обманывая себя и ни на что не надеясь. Впервые за все это долгое время молодая женщина вдруг задумалась — отчего она так несчастна? И со всей откровенностью ответила себе: из-за любви. Это чувство стало ее проклятьем. Если бы эта любовь была похожа на нарыв, она бы, ни секунды не размышляя и не страшась боли, ножом вырезала бы больное место. Но что делать, когда саднит душа? Только терпеть. И Мария, сжав зубы, терпела.

Но вот наконец наступил момент, когда сердце заледенело настолько, что Бук ей стал безразличен.

Мария почувствовала огромное облегчение. Постепенно она стала интересоваться тем, что делалось за стенами ее убогого жилища, слушала новости.

А новости доползали до Амги медленно, и о том, что происходило в центре России, здесь узнавали с большим опозданием. Обычно их привозил урядник, приезжавший с досмотром. Особенно подробно урядник говорил о боевых действиях — в августе 1914 года началась война.

Однажды он рассказал про прорыв русских в Восточной Пруссии. Бочкарева не знала, где это, но то, что она услышала, очень заинтересовало ее.

— Немец давит, и солдат гибнет тьма. Пришлют пополнение, а его враз и уложат. А еще слышать, что приказ вышел

стрелять по своим, коли будут отступать без приказа. Во, какие дела!

— И правильно делают, что стреляют, — стой до смерти да не отступай. Срам какой — мужики называется! Эдак немца в Москву пустить можно.

— Ух! Шустра ты здесь издаля разговаривать. Небось не слышала, как пуля вжикает. А я в Маньчжурии наслушался. Три на себя принял. Теперича вот вас, мазуриков, сторожу...

— А ты не слышал, где части-то стоят, что к нам поближе?

— К нам поближе нету ничего. Океян-море одно ледовитое. А так слышал в Томске полк стоит. Своего часа дожидается. А тебе на что?

Она промолчала: самой себе было страшно признаться, что за мысль пришла в голову. Пришла и не уходила. И Мария потихоньку сживалась с ней. Помогать и защищать — это как раз то, что она умела делать. Если это не нужно Якову, то, может быть, понадобится на фронте? Она «стремилась туда — в кипящий котел, принять крещение в огне, закалиться в лаве». Где-то там, вдали, ей чудилась иная жизнь. Какой бы она ни была, все самое плохое она уже испытала. Во всяком случае, отправляясь на поиски ближайшей воинской части, Мария в том не сомневалась.

Только в ноябре 1915 года она добралась до Томска. Разыскала квартировавший там резервный батальон. Одолев дежурных своей настырностью, попала в кабинет командира.

— Чему обязан, сударыня?

— Хочу послужить царю и отечеству. В солдаты хочу переделиться...

— Вахромеев! — крикнул командир дневальному. — Выведи эту...

Больше с мелким начальством Бочкарева решила не связываться. Она пересчитала оставшиеся деньги. Купила четверть ситного, остальными звякнула у почтового окошка. Продиктовала текст. «Кому? Адрес дайте», — раздался сиплый голос из-за перегородки. «Петербург. Государю императору».

В окошке показалась голова телеграфиста. Он снял очки, дохнул на них, протер и, водрузив на простуженный нос, внимательно посмотрел на Бочкареву.

— Вы, мадам, часом не того?

— Стучи давай, пенек хрипатый. Тебе деньги заплачены.

Мария развязала платок, скинула нелепую хламиду, похожую на меховую рубаху, которую подарил ей на прощанье добросердечный старик якут, и устроилась на лавке.

— Позвольте... Это что же такое? — снова высунулся телеграфист.

— Буду ждать ответа, — буркнула Мария и, привалившись к стенке, тотчас заснула.

То, что случится с ней потом, ей даже и присниться не могло. Золотые залы Зимнего дворца, рукоплескание толпы, Белый дом, прием у президента Америки Вильсона. Туманный Лондон. Она в королевском дворце...

Самое удивительное, что ответа из Петербурга Мария все-таки дождалась.

* * *

В телеграмме за подписью императора командиру 25-го резервного батальона, который так невежливо обошелся с Марией, предписывалось зачислить ее вольноопределяющейся.

Не прошло и трех месяцев, как боец 4-й роты в составе сформированного в Сибири полка получила назначение под Молодечно, во 2-ю армию. Бочкарева сразу попала на передний край...

В первых же боях Мария проявила себя отчаянно храбрым солдатом. Она ходила в штыковые атаки, в разведку, под шквальным огнем вытаскивала с поля боя раненых.

Четыре раза Бочкарева была ранена. Два раза — очень тяжело. Она должна была умереть. Но какая-то жизненная сила залечивала искромсанное тело, смерть отступала, и Мария снова возвращалась в свой полк к радости солдат.

Она завоевала уважение единственно возможным путем — самоотверженностью и безумной храбростью. Это оградило ее от фронтовых романов. В ней научились видеть солдата, хотя Мария была первой женщиной в военной форме, не скрывавшей своего пола. Правда, она просила, чтобы ее называли Яшкой. Быть может, в память незабвенного Бука...

В окопах Бочкарева выучилась грамоте. Здесь она впервые написала свое имя. Первая книжка, ею прочитанная, рассказывала о похождениях американского сыщика Ника Картера.

Весть о бесстрашной женщине разнеслась по всей России. Ни один полк, кроме Сибирского, не мог похвастаться тем, что в нем служит женщина, получившая за боевые отличия полный бант Георгиевских крестов (все четыре степени) и несколько медалей. Ей было присвоено звание младшего, а затем и старшего унтер-офицера.

О Бочкаревой стали писать газеты. Она охотно беседовала с журналистами — остроумно, находчиво, умела кратко и образно излагать свои мысли. За обликом разухабистой фронтовички чувствовалась безусловно одаренная натура. На это обратили внимание некоторые высокопоставленные лица, которые с большим интересом вглядывались в газетные фото Бочкаревой.

Лицо Марии-Яшки стало непохожим на женское. Жизнь среди смертей, грязи, постоянной опасности стерла с него признаки пола. Это трагедия женщины, вырванной из мирной жизни. Это трагедия России, где она, Бочкарева, была не первой и не последней женщиной, сменившей платье на грубую солдатскую форму.

* * *

...Наступил семнадцатый год. В окопы пришло известие о Февральской революции, о свержении царя и приходе к власти Временного правительства во главе с Керенским. Военные поражения, фатально преследовавшие Россию в этой войне, серьезные просчеты командования, стоившие немалых жертв, революционная агитация с призывом бросать оружие делали свое дело. В армии стало больше дезертиров. Мобилизации шли одна за другой, но людей уже приходилось гнать силой на фронт. От прошлого энтузиазма не осталось и следа.

Первого мая 1917 года в одну из своих поездок на фронт председатель Государственной Думы М.В.Родзянко узнал, что здесь служит женщина-доброволец, четырежды раненная и с четырьмя Георгиями на груди. Родзянко, встретившись с Бочкаревой и расцеловав ее, предложил ей поехать в Петроград и

рассказать членам Временного правительства о положении на фронте.

Вот как выглядела тогда «полный Георгиевский кавалер» Мария Леонтьевна: «В штабе навстречу нам поднялась невысокая, круглолицая женщина лет за тридцать, с грубым, обветренным лицом. В своей солдатской фуражке, с орденами и унтер-офицерскими погонами на гимнастерке, в широких штанах и грубых сапогах, она напоминала мужчину. И голос у нее тоже звучал по-мужски, когда она назвала себя Бочкаревой. Только серые грустные глаза были женственно красивыми».

Сиянье люстр и мрамор колонн Таврического дворца, любопытные взгляды господ во фраках не смутили Бочкареву. В докладе она говорила, что «солдаты не слушаются начальства и братаются с немцами». Смело, убедительно отвечала на вопросы — как быть? что делать? У Бочкаревой было свое мнение на этот счет: никакое оружие и никакие строгости начальства не помогут, если не поднять дух солдат. Пустите на фронт женщин! Надо показать мужчинам пример, необходимо взбодрить, устыдить их! Героиня фронта высказалась за создание женских воинских формирований. Политики восприняли это на «ура»...

Бочкареву повезли к Верховному главнокомандующему А.А.Брусилову. Она и ему старалась доказать необходимость такого шага. Однако Брусилов не без сомнения выслушал «Георгиевского кавалера»: нигде подобного не было и нет. И ему, выпускнику Пажеского корпуса, дворянину и военному, вероятно, было трудно свыкнуться с мыслью о дамах, идущих в атаку. Он спросил Бочкареву: надеется ли она на женщин? Та в ответ попросила полноты власти, как командиру, и изолировать большевиков-агитаторов. И тогда «мой полк не осрамит Россию».

На следующий день после посещения Главнокомандующего, обещавшего Бочкаревой всяческое содействие, ее представили главе Временного правительства А.Ф.Керенскому и пригласили на обед в Зимнем дворце. Полутрагичная, битая любовником простодушка не теряла присутствия духа в залах и кабинетах столичной элиты...

Героиней обеда в Зимнем дворце была Бочкарева. Керен-

ский в прочувствованной речи приветствовал ее. Инициатива Георгиевского кавалера получила окончательное «добро». Было что-то жуткое в названии необычного воинского подразделения: «Батальон смерти имени Бочкаревой». Имени — так предложил сам Керенский. Сердце Марии замирало от гордости и сознания того, что ей предстоит сделать.

* * *

Батальон Бочкаревой в документах именовался по-разному: легионом, ротой, отрядом, командой и — батальоном смерти. Такое название, равно как и черные погоны с эмблемой в виде черепа и двух скрещенных костей символизировали «нежелание жить, если погибнет Россия».

Ударными же батальонами с апреля 1917 года стали называть части, создаваемые при каждой пехотной дивизии для нанесения внезапных ударов и штурмов особо важных и сильно укрепленных участков. Эти батальоны были на особом положении. Согласно инструкции, они размещались в тылу и выводились на позиции только для выполнения боевых задач. Занимать ими позиции, предназначенные для обороны, запрещалось. Бой ударные части обязаны были вести исключительно в траншеях.

Трудно представить себе, что такого рода задачи возлагались на женские плечи. Тем не менее название «ударные» получили кроме бочкаревского и другие отряды женщин-добровольцев...

Воистину, большая беда России, как в маленьком осколке стекла, отразилась в том зимнедворцовом застолье: в бой пошли женщины...

В Мариинском дворце прошел патриотический митинг. Возглавляла его, конечно, сама Бочкарева. Прирожденный оратор, она не подыскивала слова, они приходили сами и складывались в ясные четкие фразы. Умением зажигать сердца Мария, в мгновение ока ставшая популярнейшей личностью в Петербурге, владела в полной мере. Она была искренна — этим покоряла. Она верила — ее вера передавалась другим. Ей по плечу

оказался военный героизм — это не заказано никому, утверждала она.

«Гражданки, все, кому дороги свобода и счастье России, спешите в наши ряды, спешите, пока не поздно... не щадя жизни... долг перед Родиной... Для всех членов отрядов обязательны следующие правила: 1. Честь, свобода и благо Родины на первом плане; 2. Железная дисциплина; 3. Твердость и непоколебимость духа и веры; 4. Смелость и отвага; 5. Точность, аккуратность, настойчивость и быстрота в исполнении приказаний; 6. Безупречная честность и серьезное отношение к делу; 7. Жизнерадостность, вежливость, доброта, приветливость, чистоплотность и аккуратность; 8. Уважение чужих мнений, полное доверие друг к другу и стремление к благородству; 9. Ссоры и личные счеты недопустимы, как унижающие человеческое достоинство».

Кто, однако, в них вчитывался — в эти правила? К ней приходили самые разные женщины — взволнованные, робеющие, по зову сердца, который уводил их из родного гнезда. Каждая могла бы рассказать свою историю, которая заставила принять такое решение. Погиб муж, возлюбленный — иду мстить. Иду искать на фронте пусть короткую, но отчаянную в преддверии гибели любовь. Были уставшие от серого однообразия буден. Были поборницы равенства, желавшие от теоретических рассуждений перейти к делу. И разумеется, те, кого вели жажда подвига и самопожертвования.

И тех, и других, и третьих было немало. Горячие речи «девы смерти», как называли Бочкареву в газетах, спалили последнюю зацепку, державшую женщин у мирного берега. Помещение, где расположился штаб по записи добровольцев в юбках, было переполнено. За первую неделю записалось более двух тысяч женщин...

Впрочем, Бочкарева, кажется, не обольщалась цифрами и готова была к столь же большому отсеву. Ее цепкий глаз быстро выбирал непригодных и выводил из еще невидимого строя. Список амазонок сокращался не по дням, а по часам.

Так и не успев надеть гимнастерки, полторы тысячи женщин из двух были отчислены Бочкаревой за, как она выражалась, «легкое поведение».

Теперь можно было приниматься за военную подготовку. В помощь себе Бочкарева пригласила специальных инструкторов. Вот как писала об этом жена американского военно-морского атташе П. Кросли: «Я часто встречалась с женщиной-«полковником» из широко известного женского батальона. Она полна рвения и искренне надеется, что этим движением женщин-солдат мужчины будут пристыжены, когда бегут с фронта. Я видела обучение женщин-рекрутов в их казарме и во время марширования по улицам, а также наблюдала дезертиров (думаю, что они не были настоящими мужчинами и солдатами, несмотря на то, что носили форму!), смотревших на этих женщин и отпускаявших грубые шутки в их адрес».

Интерес к этому движению подогревала пресса. Она не скупилась на эпитеты — «легион бессмертных», «Леониды Спарты», а Бочкареву называли «заслуженной избранницей избранниц смерти». Печатались подробные рассказы о патриотках, а на многочисленных фотографиях читатели могли видеть все этапы превращения вчерашних домохозяек, барышень из «хороших семей», курсисток, поклонниц Мозжухина и Веры Холодной в неотличимых друг от друга «солдатушек».

Вот падает под ножницами полкового Фигаро роскошная коса гимназистки... Первый батальонный обед из котелков. И строй — неровный, нескладный, на который скептически смотрит инструктор с папиросой во рту. Подруги Бочкаревой с оружием в руках — еще непривычным, пугающим, слишком тяжелым для их рук.

...Поднимались женщины-солдаты в пять часов утра. Занятия на плацу заканчивались в девять вечера. Краткий отдых и простой солдатский обед. Двойной рабочий день и семь часов сна на голых досках.

4-й взвод, сформированный из интеллигентных дам, жаловался, что Бочкарева занимается рукоприкладством, вплоть до зуботычин. В дело пришлось вмешаться Керенскому. «Стараясь немного ее укротить, но она свирепа и, выразительно помахивая кулаком, говорит, что недовольные пускай убираются вон, а что она желает иметь дисциплинированную часть».

Оскорбленных грубостью, не выдержавших сверхтяжелой муштры было много. К моменту отправки на фронт осталось только 300 женщин.

«Школа молодого бойца» оказалась очень короткой — 21 мая 1917 года женщины записались в добровольцы, а через месяц...

«Вчера, 21 июня, при торжественной обстановке были вручены знамена... 1-му Женскому Батальону Смерти», — читаем в «Русском инвалиде» за 1917 год.

Для церемонии в 12 часов дня у Исаакиевского собора женщины были выставлены в полном походном вооружении. По прибытии на площадь перед «Исаакием» командующего Петроградским военным округом генерала Половцева раздалась команда «на караул». Тысячная толпа горожан приветствовала рукоплесканиями тех, кого, как писала газета, «природа предназначила для мирной общественной жизни», а любовь к Отечеству уводила на фронт.

После молебна вынесли знамя. На белом поле слова: «1-я женская военная команда смерти Марии Бочкаревой». Священник освятил знамя. Затем оно было прикрыто знаменем Союза Георгиевских кавалеров, также присутствовавших на церемонии. После этого символического благословения будущих героинь генерал Корнилов в присутствии Керенского и других членов Временного правительства вручил знамя Бочкаревой.

Петроградский архиепископ Вениамин и Уфимский епископ Андрей напутствовали «батальон смерти» образом Тихвинской Божьей Матери.

Тогда же Бочкарева была произведена в прапорщики. Союз Георгиевских кавалеров передал новопроизведенному офицеру-командиру португеею, шашку и револьвер. Бочкарева обнажила шашку, поцеловала ее и до земли поклонилась делегатам Союза Георгиевских кавалеров.

Быстро перестроившись, отряд начал церемониальный марш по городу. Над головами женщин-воинов появились плакаты: «Да здравствует Временное правительство!», «Да здравствует Керенский!», «Да здравствует революционная Армия!», «В единении сила!».

В эти дни в Петрограде царило приподнятое настроение: на

фронте наконец-то началось наступление. Город сразу же повеселел, словно вспомнив, что стоят погожие летние дни, что есть радости и в военной, полной утрат, жизни, что есть надежда...

Эти brave женщины в военной форме казались вестницами близкой победы. Они шли под звуки «Марсельезы», уверенные, сильные, и черепа на черном бархате погон выглядели совсем не страшно. Их марш сопровождался криками «ура», а из раскрытых окон падали цветы.

* * *

Пример Бочкаревой оказался заразительным. Выпускницы Смольного института и «бестужевки», аристократки и женщины «из рабочих и крестьян» были охвачены жаждой подвига и самопожертвования. География «ударных отрядов» стремительно расширялась. Вслед за Петербургом, Москвой, Киевом, Минском, Полтавой, Харьковом, Симбирском, Вяткой в добровольцы стали записываться и женщины Сибири.

В июне-июле 1917 года «ударные отряды» появились в Ташкенте и Баку. В августе сто одесситок потребовали немедленной отправки на фронт. В Мариуполе при 24-м пехотном запасном полку был сформирован Украинский женский «батальон смерти». В Екатеринодаре 17 июня был брошен клич идти в армию, чтобы вселить «дух бодрости и отваги в сердца малодушных воинов», а 25 июня уже проходило собрание волонтерок в количестве 240 человек.

В некоторых местах женщинам, желавшим побыстрее научиться военному делу, пришли на помощь кадровые офицеры. В частности, именно с их помощью был создан Саратовский ударный женский батальон.

Церковь вполне одобрительно отнеслась к этому движению. Достаточно сказать, что сам митрополит Московский Тихон 2 июля 1917 года благословил на Красной площади «ударниц» 2-го Московского женского «батальона смерти».

Деятельность Бочкаревой поощрялась правительством, но фактически руководили созданием женских отрядов Организационный комитет Женского военного союза под председательством Е.И.Моллесон — жены известного банкира, и Всерос-

сийский женский союз помощи Родине «Женщины за Отечество». Они и финансировали «ударные отряды».

Среди активисток, приложивших немало усилий в этом деле, были жена А.А.Брусилова — Н.В.Брусилова и жена А.Ф.Керенского — О.Л.Керенская. Помогали и мужчины: Союз Георгиевских кавалеров, Всероссийский центральный комитет по организации Добровольческой революционной Армии.

С 1 по 5 августа 1917 года в Петрограде проходил Всероссийский женский военный съезд. Он собрал представительниц многочисленных официальных и неофициальных женских формирований из многих городов России, чтобы создать Всероссийский Женский военный союз и определить задачи по оказанию стране военно-трудовой помощи. Союз просуществовал недолго, до прихода к власти большевиков.

Однако общественные женские организации варились, по большей части, в собственном соку и не имели больших полномочий. Право официального признания за женщиной стать в военный строй оставалось за правительством.

Всероссийский Женский военный союз обратился к главе Временного правительства А.Ф.Керенскому с предложением узаконить формирование «женских отрядов» и включить их в состав действующей армии. Тот одобрил идею. Куда более скептически отнеслись к ней кадровые военные. Они ссылались на то, что «ни политическая платформа, ни источники комплектования и снабжения, ни штаты, по которым они формируются, ни состав инструкторов» никому не были известны. Как относиться к этим боевым единицам? Что с ними делать? Профессионалы недоумевали и зачастую старались оградить армию от женского вмешательства.

Главкомандующий армиями Западного фронта генерал-лейтенант А.И.Деникин осторожничал: «Нужно выждать и посмотреть, как к нему отнесутся войска. До тех пор признаю формирование преждевременным и нежелательным».

На что делали ставку политики, то ставили под сомнение военные — как примут женщин солдаты? А сведения, поступавшие с мест, куда уже добрались лихие амазонки, не утешали: почти везде войска встречали их «равнодушно, а иногда и враждебно».

Не лежало сердце к этой затее Керенского и у нового Вер-

ховного главнокомандующего Л.Г.Корнилова. В августе 1917 года он вообще запретил формирование женских частей и распорядился «части уже существующие оставить пока на фронте... воспользоваться ими для охраны дорог».

Однако Военный совет под нажимом политиков, не желавших упустить пропагандистский козырь, еще в июне утвердил положение «О сформировании войсковых частей из женщин-добровольцев».

Ни достоверной цифры, говорящей о том, сколько женщин стало под ружье в Первую мировую, ни сведений о том, где они воевали, в военных бумагах тех лет не сохранилось.

Однако известны факты, что женщины не замедлили воспользоваться предоставленными им правами. Например, 25 женщин в частном порядке прошли полный курс программы военных училищ ускоренных выпусков при Александровском военном училище в Москве. Женщины-юнкера выполнили все условия для производства в офицерский чин, но получить погоны прапорщиков им так и не удалось: грянул октябрьский переворот.

Как сложилась их судьба? Трагические события Гражданской войны едва ли оставляют надежду на счастливую жизнь. Некоторые из них, желая выступить с оружием в руках против большевиков, участвовали в кубанском походе Корнилова и в боях с Красной Армией в составе деникинских войск.

А женщины-«ударницы» на Дворцовой площади в ночь штурма Зимнего? Пулеметные очереди, поливающие смертоносным огнем наступающих? Все было так и не так...

Первым Петроградским женским батальоном командовал штабс-капитан Лосков. Получив приказ привести свой батальон, размещенный у станции Левашово, в столицу, он решил, что речь идет о военном параде перед отправкой на фронт. В полдень 24 октября женщины были на Дворцовой площади.

Все сразу изменилось, когда Лосков узнал истинную цель вызова. Защищать правительство? Ему это казалось бессмысленным. «Первый Петроградский» покинул замерший в тревожном ожидании город.

Одну роту, обманным путем, под предлогом помочь доста-

вить бензин, все-таки задержали — сто тридцать семь женщин. Им-то и было приказано занять боевые позиции на первом этаже Зимнего дворца.

Прогремел сигнальный выстрел «Авроры». Началась перестрелка. Со стороны Миллионной, где засели «ударницы», в сгустившейся ночной мгле забился в чьих-то руках белый лоскут. Женщины послали своего парламентаря, заявив о желании покинуть позиции. Около 10 часов вечера они сложили оружие.

Однако мы забежали вперед, оставив Марию Бочкареву и ее подруг на пороге боевого крещения...

* * *

...27 июня 300 бойцов батальона Бочкаревой прибыли на Западный фронт в район Молодечно. В тот же день по приказу начальника штаба 10-й армии генерал-майора Дробышина для продолжения обучения бочкаревских «ударниц» туда же было направлено 15 опытных инструкторов.

«Батальон смерти» разместили в тылу 1-го Сибирского армейского корпуса. Как писал генерал А.И.Деникин в «Очерках русской смуты», женщины были встречены «разнузданной солдатской средой насмешливо, цинично. В Молодечно, где стоял первоначально батальон, по ночам приходилось ему ставить сильный караул для охраны барачков...».

«Служили, терпели, умирали», — грустно замечает Антон Иванович...

7 июля 525-й пехотный полк 132-й пехотной дивизии получил приказ двинуться на позиции в район Крево. Входящий в состав полка женский батальон расположился на правом фланге вместе с 1-м батальоном.

Утром 9 июля произошло крещение огнем бочкаревских «ударниц». «Женский батальон, — пишет Деникин, — доблестно пошел в атаку, не поддержанный «русскими богатырями». И когда разразился кромешный ад неприятельского артиллерийского огня, бедные женщины, забыв технику рассыпного строя, сжались в кучку — беспомощные, одинокие на своем участке поля, взрыленного немецкими бомбами. Понесли по-

тери. А «богатыри» частью вернулись обратно, частью совсем не выходили из окопов».

Об этой истории узнала пресса, внимательно следившая за судьбой отряда Бочкаревой. Газетные страницы наполнились сообщениями, что первые же боевые вылазки стали роковыми для женщин-добровольцев, потерявших треть своего состава убитыми и ранеными. Эти сведения, видимо, перекочевали и в Советскую военную энциклопедию, где сказано, что ввиду огромных потерь отряд Бочкаревой был отозван в Петроград и переформирован в 1-й Петроградский женский батальон.

На самом же деле, пережив шок артобстрела в Новоспаском лесу, женщины продолжали участвовать в боевых действиях. В течение двух последующих дней они выдержали 14 атак противника и, несмотря на сильный пулеметный огонь, несколько раз поднимались в контратаки. Бочкарева писала, что ее «ударницами» были «взяты две линии немецких окопов».

Полковник В.И.Закржевский, в подчинении которого находились женщины-воины, доносил в штаб армии: «Отряд Бочкаревой вел себя в бою героически, все время в передовой линии, неся службу наравне с солдатами. При атаке немцев, по своему почину, бросился, как один, в контратаку; подносили патроны, ходили в секреты, а некоторые в разведку; своей работой команда смерти подавала пример храбрости, мужества и спокойствия, поднимала дух солдат и доказала, что каждая из этих женщин-героев достойна звания русской революционной армии».

Однако с тяжелыми боями 525-му полку все-таки пришлось отступить. Потери женщин после первых дней боевых действий составили: 2 убитых, 33 раненых и контуженых, 2 пропали без вести.

За этот бой «командиршу» батальона представили к золотому оружию. Однако эта несомненно приятная весть догнала ее уже в госпитале: Бочкарева была тяжело контужена и полтора месяца лечилась в петроградском госпитале.

Стоило ей оставить батальон, как там начались склоки,

распри. Начальству докладывали: «Волнения в женском отряде «смерти» дурно влияют на войсковые части дивизии. Вместо того чтобы являть собой образец сплоченности, единения и безропотного повиновения поставленному над ними начальнику, отряд сам нуждается в водворении в нем порядка».

Укротить взбунтовавшийся батальон удалось, пригрозив отправкой в тыл на переформирование. Страшась такого наказания, «ударницы» прекратили распри, а скоро вернулась из госпиталя и сама Бочкарева. Этот инцидент доказывает, что многое, если не все, держалось на ее личном авторитете. Безусловно, Мария Леонтьевна была прирожденным организатором, чья воля и влияние безоговорочно подчиняли людей.

Ее слава росла, а вместе с ней и число желающих вступить под знамена женщины-героини.

Батальон Марии Бочкаревой продолжал участвовать в боевых действиях в районе рек Вилии, Оконы, деревень Талут, Белая.

Октябрьскую революцию бочкаревские «ударницы» встретили в лагере у деревни Оленец. С 12 октября они находились в резерве...

В ночь с 24 на 25 октября в Петрограде произошел переворот.

* * *

В исторической науке сложилось мнение (см., например, «Историю Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1962, с. 157), что Зимний дворец, где находилось Временное правительство, обороняли бочкаревские «ударницы».

Однако не надо забывать, что «женский батальон смерти» был наиболее известным, но отнюдь не единственным добровольческим женским отрядом в Петербурге. Вопросу о том, кто из женщин оказался на Дворцовой площади в ночь с 24 на 25 октября, была посвящена обстоятельная работа Х.М.Астрахана, где с привлечением многих архивных документов доказывается, что это была рота Первого Петроградского женского батальона, отнюдь не «бочкаревского», хотя тот же автор утверждает, что

костяк женщин, бывших на Дворцовой площади, «составили уцелевшие после... боев «ударницы» бывшего «женского батальона смерти». О том, что они отказались защищать Зимний, мы уже знаем...

И все-таки, как аукнулись события в Петрограде «ударницам» Бочкаревой? «От Советской власти была получена телеграмма, чтобы я свой батальон расформировала, и сейчас же то и сделала», — писала она в своих показаниях в ВЧК. И сделала, пожалуй, даже с облегчением. К тому времени «легендарный Яшка» действительно поостыл к своему детищу. Конечно же, Бочкарева, ведя женщин на фронт, надеялась, что в бою они не уступят мужчинам, переоценила их бойцовские и моральные качества. Под ее началом собрались пусть и ведомые искренней идеей, но очень разные женщины. Как, впрочем, и во всем женском военном движении. Деникин, призывая воздать должное памяти женщин-добровольцев, писал так: «Были и совсем слабые телом и духом, были и герои, кончавшие жизнь в конных атаках».

До безрассудства отчаянная, склонная к риску, азартно ставившая на карту жизнь и смерть, Бочкарева требовала от «сестер по оружию» безусловного героизма и готовности к подвигу. Так, она, неофициальный эксперт по «женской части», забрала Московский женский батальон, а за ним и часть Петербургского. Мария Леонтьевна заявляла, что лишь 15-часовые занятия военной подготовкой могут сделать из женщины хорошего солдата. Но даже и теми, кто, казалось бы, удовлетворял ее жестким требованиям, не спешила пополнять свой батальон. «Решила больше женщин не брать, потому что я в женщинах разочаровалась».

Причина этого разочарования не только в «военной неспособности» подруг. Бочкарева была настолько ярче, одареннее, умнее их, что интуитивно чувствовала свое одиночество в этой женской массе и тщетность своих усилий.

...Теперь Марии Леонтьевне хотелось определиться в отношениях с Советской властью. Она поехала в Петроград. Разумнее было бы где-нибудь отсидеться, переждать смутное, не су-

лившее ей ничего хорошего время. Но нет, Бочкарева торопит события, идет навстречу опасности, и кажется, что ощущение пропасти рядом с собой лишь распаляет ее азарт.

Люди, знавшие Бочкареву, отмечали неукротимость и бодрость ее духа тогда, когда выдавшие виды «богатыри» впадали в уныние. Ей все было нипочем: ни постоянное психологическое напряжение, ни трудности походной, бесприютной жизни, лишавшие сил мужчин, ни полная неясность, если не сказать мрак, ближайшего будущего. Такое впечатление, что эта женщина была напрочь лишена инстинкта самосохранения, никогда не думала о себе. Она как бы сама сочиняла жестокий сценарий своей жизни, будучи в нем главной героиней и — главной жертвой.

И действительно, едва Бочкарева ступила на петроградскую землю, как ее тут же арестовали. Отобрали документы, оружие. Она оказалась в Петропавловской крепости. Через неделю ее отвезли в Смольный, где предложили перейти на сторону Советской власти. На это Бочкарева ответила: «Я слишком измучилась за войну и в гражданской войне не хочу принимать участия».

Вот она — та грань, которую женщина в военной форме, солдат без страха и упрека, перейти не захотела. Не разбираясь в политической сумятице, в чем откровенно признавалась, Мария Бочкарева поняла, что если вчера Россия сражалась с врагом, то сегодня она начинает заниматься самоуничтожением. Быть замешанной в ужаснейшем из всех видов истребления — братоубийстве — не в пример мужчинам Мария Бочкарева не хотела.

Освободившись из-под ареста, Мария Леонтьевна поехала к себе в деревню. Однако возвращение было безрадостным. Как потом писала Бочкарева, сидя в ЧК, по пути домой она была выброшена большевиками из вагона. Смерть опять обошла ее стороной, но вернулась она покалеченная, без денег, страшно усталая, обозленная.

Родная деревня поразила нищетой. Люди здесь сочувствовали красным. Мария Леонтьевна не скрывала своих взглядов и, вызывая всеобщее осуждение, говорила то, о чем позднее без

утайки сообщила следователям ЧК: «Большевиков я считала своими врагами и врагами Родины».

Ей было скучно, ее опять тянуло в «горнило». Она без сожаления махнула рукой на тот спасительный момент, когда, отпущенная комиссарами, могла прибиться к мирной незаметной жизни, затеряться на родимых сибирских просторах.

В начале 1918 года Бочкарева снова была в Петрограде уже среди тех, кто не смирился с приходом к власти большевиков. Ей поручили установить нелегальную связь с Корниловым. К нему на Дон Бочкарева пробиралась под видом сестры милосердия с подложными документами. Благополучно перешла линию фронта и в Новочеркасске встретила с командующим белой гвардией на Юге. Задание, данное ей Корниловым, было неожиданным: отправиться в Америку и просить быстрой помощи для вооруженной борьбы с Советами.

* * *

Америка... Бочкарева ступила на ее землю 13 мая 1918 года. В Сан-Франциско, куда она прибыла, ей устроили встречу как национальной героине. В ее честь устраивались обеды, пресс-конференции. Ее имя не сходило с газетных полос, особенно эмигрантских.

В газете «Русский голос» Бочкарева, против ожидания, не высказала никакого удовлетворения от участия в женском патриотическом движении: «Я не хочу говорить о своей деятельности в России. Мне больно, тяжело говорить, вспоминать о созданном мною батальоне смерти. Таких батальонов по всей России было до 15, но они ничего не делали. Мой батальон активно участвовал в сражении с немцами. Это было в начале его расцвета. А затем... трусость обуяла большинство в батальоне».

Бочкарева не раз подчеркивала, что женщины не оправдали ее ожиданий. Теперь она снова отвечала только за себя и потому вправе была рассчитывать на успех. Свою миссию, в Америке Бочкарева называла «делом чрезвычайной важности».

10 июля 1918 года командира «женского батальона смерти» принял президент США В. Вильсон. Он увидел перед собой невысокую, плотного сложения женщину, седую, выглядевшую значительно старше своих лет. Ее прозвали здесь русской Жанной д'Арк, но трудно было представить, что эта крайне утомленная, припадающая на больную ногу вонительница еще совсем недавно шла во главе цепи с винтовкой наперевес.

Президент сказал, что считает за честь познакомиться с женщиной-офицером, овеянной такой громкой славой. На его вопрос: «Кто прав и кто виноват в России?» — Бочкарева ответила с истинно дипломатической уверткой: «Я слишком мало разбираюсь в этом вопросе и боюсь попасть в ложное положение». Тем не менее женщина просила пушек, танков, продовольствия и помощи живой силою, чтобы покончить с несчастьем России. Из этого ясно, каковы были ее политические симпатии.

Бочкарева поначалу сдерживала себя, говорила медленно и бесстрастно. Но даже здесь, среди высокопоставленных и, по сути, чуждых ей людей, пережитое, увиденное ею и в столице, и в родной сибирской деревне настолько переполняло ее сердце, что, забыв о протокольных церемониях, она не выдержала и заговорила о том, о чем говорила и с курсистками, и с государственными мужами. В стране разруха, голод, люди убивают друг друга. Переводчик не успевал за страстной речью. Бочкарева уже не казалась президенту суровой и некрасивой женщиной. Перед ним была богиня возмездия: страдающая, гневная, вдохновенная.

Аудиенция в Белом доме закончилась весьма эффектной сценой. Русская Жанна д'Арк опустила на колени и протянула к президенту руки: помогите! Ответом на этот душераздирающий жест были слезы, показавшиеся на глазах Вильсона. В тот миг он, растроганный и взволнованный, и впрямь почувствовал себя будущим спасителем гибнущего, страдавшего народа.

Бочкарева могла считать свою миссию удавшейся: президент Вильсон обещал поторопиться с помощью. Но она не остановилась на этом и встретила с группой сенаторов. С такой же

энергией и настойчивостью она убеждала их прислать в Россию американский военный корпус.

Между тем поклонницы Бочкаревой, энергичные феминистки, предложили одному из журналистов познакомить американцев с историей жизни необыкновенной россиянки. Книга была написана со слов самой Марии Леонтьевны и уже в следующем 1919 году вышла в свет одновременно в Нью-Йорке и Лондоне. Она называлась «Яшка. Моя жизнь крестьянкой, офицером и ссыльной»...

* * *

После Америки Мария Бочкарева на пароходе отправилась в Англию. Цель визита оставалась прежней: пробудить сочувствие к белому движению, поторопить высокие лица с исполнением союзнического долга. То, что именно ей доверили эту высокую миссию, переполняло ее сердце гордостью, и у нее не было ни малейшего сомнения в том, что этот бой будет ею выигран. С той же безоглядностью, с какой она бросалась в атаку, Бочкарева принималась агитировать за спасение России от большевиков. Причем ее ораторское красноречие действовало на всех: на первых лиц государства и обыкновенных людей. Вот что вспоминал лейтенант пехотного полка, плывший с русской Жанной д'Арк из Нью-Йорка к берегам туманного Альбиона: «Мадам Бочкарева прибыла с американскими солдатами на транспорте из Америки, а находясь на его борту, красноречиво и трогательно рассказывала солдатам о своей родине и о том, как священная непоколебимая верность союзническому делу, прозвучавшая в ее просьбе к Вильсону, с настаиванием на отправке американских войск в помощь страдающей России убедила президента».

В Лондоне Бочкарева остановилась в отеле «Савой». Все расходы по ее содержанию взяла на себя лидер английских суфражисток мисс Панкхерст. Она же и устроила ей встречу с военным министром Англии. В свою очередь Бочкарева попросила у него устроить аудиенцию с королем Георгом V.

Вот как рассказывала потом сама Бочкарева в показаниях, которые она давала в «чрезвычайке»: «В половине август-

та месяца 1918 года секретарь короля приехал на автомобиле и вручил мне бумажку, в которой говорилось, что король Англии примет меня на 5 минут. Я оделась в военную офицерскую форму, надела полученные мною в России ордена и со своим переводчиком Робенсом поехала ко двору короля... Король Англии имел большое сходство с царем Николаем 2-м... Король спросил... кому я верю, я сказала ему, я к партии ни к какой не принадлежу, а верю я только генералу Корнилову.

Король мне сказал, что ведь Корнилов убит, я сказала королю, что я не знаю, кому теперь верить, и в гражданскую войну я воевать не думаю. Король сказал мне, вы русский офицер... Ваш прямой долг через четыре дня поехать в Россию, в Архангельск, и я надеюсь на вас, что вы будете работать. Я сказала королю Англии: «Слушаюсь». Король приказал своему секретарю, чтобы сделали распоряжение, чтобы на пароходе, направляющемся в Архангельск, дали мне каюту и чтобы русский посол дал бы мне русского офицера в качестве адъютанта. Адъютанта мне дали поручика Филиппова, с которым я и поехала в Архангельск...»

29 августа 1918 года Бочкарева выступала на городском митинге. Она призывала северян присоединиться к войскам Антанты «для спасения России от германского ига». Но когда чуть позже ей предложили «боевое дело» в Гражданской войне, Бочкарева наотрез отказалась. Тактика ее действий была совершенно очевидна: агитация — да, но братской крови, как говорила Бочкарева, она «на себя не принимает». У белых это вызывало крайнее раздражение: на Бочкареву было наложено семь суток домашнего ареста, и в дальнейшем ее отношения с представителем Временного правительства на Севере продолжали ухудшаться.

Начальство стало искать способ как можно скорее выпроводить несговорчивую, а потому ненужную героиню с глаз долой. Бочкарева все это отлично понимала, очень переживала, и временами ей изменяла выдержка.

Ее часто видели в союзническом штабе в небольшом северном городке Шинкурске. Того восторженного отношения к

ней, как в США и Англии, где дамы-феминистки готовы были носить ее на руках, здесь не было и в помине. Американские и британские офицеры криво усмехались, глядя на «широкое безобразное рябое лицо и коренастую фигуру» мадам Бочкаревой. Она пачками курила папиросы и «напивалась не меньше мужика». Привыкшая быть в центре внимания, теперь она докучала союзникам, показывая свои шрамы от ранений. В конце концов белое командование решило поставить точку над «и»: ей выдали денег и предоставили бесплатный проезд до Сибири.

В очередной раз Мария Леонтьевна оказалась дома. И в очередной раз вскоре захандрила: сердце рвалось в гущу событий, в рискованное, смертельно опасное противостояние десятков миллионов людей, откуда храбрецы редко выходили живыми. Как бы то ни было, от Колчака, к которому Бочкарева поехала за отставкой и пенсией, она вернулась с новым заданием: сформировать добровольческий женский санитарный отряд. Знаменитый адмирал, «хозяин Сибири», так и сказал: «Такие люди, как вы, сейчас необходимы. У нас много тифозных и раненых, а рук ухаживать за больными — нет. Я надеюсь, что вы это сделаете...»

Она снова нужна! И какое название отряда — «имени поручика Бочкаревой»? У нее не было сомнений. Жизнь снова возвращалась к ней.

На следующий день после свидания с Колчаком по всему Омску уже были расклеены афиши с призывом прийти на встречу со знаменитой Бочкаревой. Ни ораторский дар, ни искусство убеждать не изменили Марии Леонтьевне. Всего два дня понадобилось ей, чтобы собрать двести человек для ухода за ранеными. В помощь ей были прикомандированы четыре офицера, представитель из Ставки главнокомандующего, казначей и адъютант. На обустройство лазарета она получила от Колчака двести тысяч рублей и вагоны на случай эвакуации людей от надвигающихся частей Красной Армии. Однако ни то, ни другое Бочкарева использовать не успела, настолько стремителен был прорыв красных. Колчак со штабом покинули столицу «белой Сибири», оставив на путях эшелон с ранеными. Паника царилась невообразимая. Многие предпо-

читали застрелиться, чем попасть в руки комиссаров. Зная, что в первую очередь расправятся с добровольцами, помогавшими ей, Бочкарева постаралась переправить медицинский персонал в безопасное место. С ранеными остался врач, у которого не хватало ни медикаментов, ни перевязочных средств. Никогда, даже в тяжелейшие фронтовые дни, Бочкарева не испытывала такого чувства отчаяния и безысходности.

Поступок Колчака и его штабистов Бочкарева, резкая в оценках, называет предательством. Вера в лидеров белого движения, как в рыцарей без страха и упрека, спасителей России, покинула ее. Она клянется ничего больше «не делать в пользу белых». На предложение ехать на фронт с добровольческой армией она заявляет решительное «нет».

* * *

Бочкарева не могла не понимать, что теперь она окончательно никому не нужна. Да и ей никто не нужен. Вернувшись в Томск, она сняла военную форму и впервые за все эти годы надела обычную женскую одежду. У нее, слава Богу, был дом. И мать с отцом. Для заработка стала шить шинели. Ей, привыкшей довольствоваться малым, хватало. Как-то у коробейника она купила себе яркий платок. Когда рассчитывалась, кто-то дернул ее сзади. Она оглянулась: мальчишка лет семи, улыбаясь щербатым ртом, попросил: «Бабушка, дай на пряник...»

Бочкарева сунула ему деньги и, вернувшись домой, подошла к маленькому, с трещиной поперек, зеркалу. Волосы у нее отрастали неровно, седыми вихрами. Неожиданно это расстроило ее. Она все больше и больше становилась похожей на женщину. Стала ходить в церковь. Тихое пение и дрожащие огоньки свечей успокаивали ее. Каждый раз с души будто спадал тяжелый груз, и теперь ей часто хотелось плакать, чего не было со времен Яшки Бука.

В декабре 1919 года в город вошли красные. Через некоторое время Мария отправилась в комендатуру и сдала револьвер. Там она рассказала о себе и предложила свои услуги новой власти. Ей ответили отказом, взяли подписку о невыезде, но заверили, что арестовывать не будут.

7 января 1920 года Бочкареву арестовали в церкви, где она была на рождественской службе. До весны она сидела в томской тюрьме, а потом ее перевели в Красноярск. В своих показаниях она была искренна. Порой даже через край: «Я верила в Колчака и в его правоту, а потому не осталась в Советской России. Позже я во всем разобралась и решила бросить всю службу и считала, что глубоко ошиблась».

Свидетелей по делу Бочкаревой не привлекали, а обвинение основывалось только на ее показаниях. Она была признана «непримиримым и злейшим врагом советской власти».

В резолюции Особого отдела ВЧК
записано: «Бочкареву Марию Леонтьевну
расстрелять».

Марии Бочкаревой шел
тридцать второй
год...

* *
*